

В. Г. Белинский

Полное собрание сочинений А. Марлинского

Виссарион Белинский

**Полное собрание
сочинений А. Марлинского**

«Public Domain»

1840

Белинский В. Г.

Полное собрание сочинений А. Марлинского / В. Г. Белинский —
«Public Domain», 1840

"Появление Марлинского на поприще литературы было ознаменовано блестящим успехом. В нем думали видеть Пушкина прозы. Его повесть сделалась самою надежною приманкою для подписчиков на журналы и для покупателей альманахов..."

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	8
Комментарии	

Виссарион Белинский

Полное собрание сочинений А. Марлинского

Русские повести и рассказы (восемь частей третьим изданием). Кавказские очерки. Стихотворения и полемические статьи. Повести и прозаические отрывки, оставшиеся после смерти автора. Двенадцать частей. Санкт-Петербург. 1838–1839.

Давно уже критика сделалась потребностью нашей публики. Ни один журнал или газета не может существовать без отдела критики и библиографии; эти страницы разрезаются и пробегаются нетерпеливыми читателями даже прежде повестей, без которых никакое периодическое издание не может держаться и при самой критике. Что означает это явление? – Отвечаем утвердительно: оно есть живое свидетельство, что в нашей литературе настает эпоха сознания. «Но, – скажут нам, – предмет *сознания* есть *явление*, и потому всякое явление предшествует сознанию, а всякое сознание есть, так сказать, следствие явления; что же мы будем сознать? Неужели наша литература так богата, что мы уже доходим до необходимости перечитать, переметить и переценить ее сокровища? Неужели мы столько насладились ее избытками, что для нас наступает уже время другого наслаждения – сознания первого наслаждения? И когда же успела совершить свой круг эта юная литература, которая еще только в недавно прошедшем 1839 году переступила за столетие своей жизни?» Чтобы отвечать на такое возражение, должно предварительно условиться в значении слова «литература». Прежде всего под «литературою» разумеется письменность народа, весь круг его умственной деятельности, от народной песни, первого младенческого лепета поэзии, до художественных созданий – этих зрелых плодов творчества, достигшего полного своего развития; от глубокого ученого сочинения до легкой газетной статьи или брошюры об устройстве овинов или об истреблении тараканов. Потом под «литературою» разумеют собственно поэтические произведения, наконец – все легкое, служащее забаве и развлечению и доступное даже профанам в науке и искусстве. Но во всяком случае и во всех этих значениях литература есть сознание народа, цвет и плод его духовной жизни. Теперь спрашивается: подходит ли русская литература под все сии определения или под которое-нибудь из них исключительно? – Отвечаем – да, за исключением, впрочем, стороны собственно ученой. Россия еще не успела обнаружить самостоятельной деятельности на поприще науки, но обнаруживает только живое стремление к знанию и живую понятливость ученика. Однако ж и здесь найдется несколько блестящих исключений, особенно в литературе математики, естествознания, путешествий, гордящейся не одним блестящим русским именем. И как понятно, что наша ученая деятельность могла положительно проявляться только в знаниях точных, а не в умозрительных: первые во всякое время имеют свою безотносительную истину; вторые же Россия застала в эпоху усиленного и быстрого движения, когда они в одно десятилетие переживали столетия. Укажем только на теорию искусства: до двадцатых годов в нашей литературе царствовал французский классицизм, а с этого времени одни заговорили о трактате Канта «О высоком и прекрасном», другие о братьях Шлегелях, об Асте, а некоторые и о Шеллинге; но, говоря, о, них, они не понимали друг друга, ни даже самих себя; их – неприготовленных – застиг сильный переворот в идеях, развившихся в Германии исторически, а к нам перешедших в каком-то пестром беспорядке. И потому эти господа не знали, на чем остановиться, на что опереться, что принять за основное и непреходящее, ибо что вчера считалось утвержденным и новым, то завтра объявлялось у них опровергнутым и устаревшим. И до сих пор еще относительно теории искусства царствует в нашей литературе какой-то хаос: одни требуют критики, основанной на разумных и, так сказать, априорных началах искусства, в

их современном состоянии; другие, сознав свое бессилие достигнуть в этом стремлении каких-нибудь положительных результатов, снова обратились к произвольной французской эстетике и, с грехом пополам, перебиваются старою рухлядью, которую некогда сами рвали и истребляли во имя нового, плохо ими понятого. Les beaux esprits se rencontrent¹ – и потому эти последние подали руку тем самым, которых некогда уличали для обнаружения истины, тем самым, которые требуют исключительного господства своих бедненьких мнений, совершенно чуждых искусству, но вдвойне для них приятных и выгодных, – как потому, что эти «мнения» по плечу их ограниченности и удерживают за ними влияние над толпою, так и потому, что эти «мнения» доставляют им, насчет толпы, существенную пользу. И вот примирившиеся, соединившиеся и понявшие друг друга новые друзья, застигнутые врасплох потоком новых идей, хотят непонятное для их ограниченности выставить за непонятное для всех, выдавая его за искажение языка, которому они будто бы оказали великие, хотя и никому не известные услуги. Как же тут явиться какому-нибудь ученому сочинению по части теории искусства? – Надо, чтобы сперва установилось брожение идей и очистился эстетический вкус публики; а для этого надо, чтобы пошлые и торговые мнения об искусстве заменились «мыслями» об искусстве; чтобы литературные промышленники, объясняющие законы искусства своею благонамеренностью и усердием к пользе «почтеннейшей» публики, уступили место тем, которые говорят об искусстве потому, что любят и понимают его; чтобы устаревшие идеи заклеямились печатью общего отвержения, а отсталые враги всего, в чем есть жизнь, движение, сила и достоинство, потеряли всякое влияние даже над чернию общества, на которую одну опирается теперь их шаткий авторитет. Это может сделать только *критика* при посредстве журнала, основанного с чисто литературною и ученою, а не торговою, целью и поддерживаемого участием людей благородномыслящих и даровитых, а не литературных спекулянтов, во всю жизнь подвизавшихся на заднем дворе литературы и на кредит пользующихся известностью «отлично умных людей» и «отличнейших сочинителей». Тогда можно будет подумать и о наукообразном сознании законов искусства.

То же зрелище представляет и наша историческая литература. Карамзин был полным выражением установившихся и вполне определившихся идей своего времени, и потому его «История государства Российского» есть творение зрелое, монумент прочный и великий, хотя и начатый скромно, без криков, без унижения своих предшественников, даже без штукмейстерского объявления о подписке^[1]. Так как творение Карамзина было плодом глубокого изучения исторических источников, основательного и отличного по тому времени образования, – творение таланта великого, труда добросовестного и бескорыстного, совершавшегося в священной тишине кабинета, далекого от всех литературных рынков, на которых издаются пышные программы и забираются с доверчивой публики деньги на *ненаписанные* сочинения во многих томах, то «История государства Российского» с каждым томом являлась созданием более зрелым, более глубоким, более великим, и если осталась недоконченною, то единственно по причине смерти своего благородного творца, а не потому, чтобы у него не стало сил на исполинский подвиг или чтобы им вперед взяты были деньги с подписчиков, привлеченных программой. Но после Карамзина что явилось сколько-нибудь примечательного в нашей исторической литературе? Разве какая-нибудь пышная программа о подписке на какую-нибудь небывалую историю в восемнадцати томах?.. Или вместо этих восемнадцати, семь томов «высших взглядов», изложенных дурным языком и высокопарными фразами без всякого содержания, одним словом – бездарная и, часто, безграмотная парафразировка великого труда Карамзина, нещадно разруганного, при сей верной оказии, в выносках, занимающих половину каждой страницы?.. Конечно, были другие попытки, более благородные и более удачные, но в меньшем размере и нисколько не приближающиеся ни своим назначением, ни своим достоин-

¹ Великие умы сходятся (франц.). – Ред.

ством к бессмертному творению Карамзина. А между тем великий труд Карамзина, как и всякий великий труд, отнюдь не отрицает ни необходимости, ни возможности другого великого труда в этом роде, который так же бы удовлетворил своему времени, как его труд своему. Но этот новый труд будет возможен тогда только, когда новые исторические *идеи* перестанут быть *мнениями* и *взглядами*, хотя бы и «высшими», сделаются наукообразным сознанием истории как науки, словом – *философией истории*...

Не такова была судьба нашей поэзии, потому что и везде не такова судьба поэзии. Наука есть плод умственного развития народа, плод его цивилизации, результат сознательных усилий со стороны людей, которые ей посвящают себя; тогда как поэзия есть прямое, непосредственное сознание народа. У народа нет еще письма, нет даже слова для выражения идеи искусства, но есть уже искусство – *народная поэзия*. И даже тогда, как народ уже вышел из состояния бессознательности, и поэзия его из *непосредственной* или *народной* сделалась *художественною* или *общею*, мировую в самой своей национальности, – и тогда ее ход независим от хода науки. Так поэзия англичан, народа положительного и эмпирического по своему национальному духу, совершенно чуждого философии (как безусловного знания), – поэзия англичан не видит равной себе ни у одного из новейших народов, даже у самых немцев, и по праву может стать наряду, как равная с равною, с поэзией древних греков. В Греции Платон явился тогда, как уже Гомер давно сделался мифическим лицом и когда самая драматическая поэзия совершила уже полный свой круг: Шекспир явился в Англии, не дожидаясь Шеллингов и Гегелей. Самая германская поэзия, идущая об руку с философией, выигрывая оттого в содержании, часто теряет в форме, превращаясь в какое-то поэтическое развитие философских идей и впадая в символистику и аллегорику. Вследствие этой-то общей независимости творчества от науки и наша поэзия успела совершить такой великий и блестящий круг развития, пока наука едва успела сделать только несколько неровных порывов к движению...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Имеется в виду Н. А. Полевой, объявивший подписку на свою «Историю русского народа» (полемически направленную против «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина) и издавший шесть томов вместо обещанных восемнадцати.